

8. 歌德学院是做什么的? — 专访歌德学院中国总院和北京分院院长米歇尔·康·阿克曼 (Чем занимается Институт Гете? — Интервью с Мишель Кан Акерман, деканом Китайского и Пекинского филиалов Института Гете)[电子信息(Электронныйресурс)] /南方周末(газета«НаньФаньЧжоуМо»). — 存取方式(Режим доступа): <http://www.infzm.com/contents/2133>. — 存取日期(Датадоступа): 15.05.2021.

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА

А. М. Байчоров

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, albaichorov@mail.ru*

Раскрыты особенности внешней политики КНР после прихода к власти «пятого поколения» китайских лидеров. Проанализированы цели и содержание внешнеполитического курса Пекина, связанные с решением насущных задач социально-экономического развития КНР и противостоянием политике «коллективного Запада» по сдерживанию Китая. Рассмотрены основные внешнеполитические инструменты, используемые правительством КНР для достижения поставленных целей.

Ключевые слова: внешнеполитический курс, экспорт, экономический рост, возрождение величия китайской нации, экономические мегапартнерства, Инициатива пояса и пути, международная турбулентность, конкуренция, сдерживание КНР.

CHINESE FOREIGN POLICY CHARACTERISTICS IN THE SECOND DECADE OF THE XXI CENTURY

A. M. Baichorov

*Belarusian State University,
4 Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, Republic of Belarus, albaichorov@mail.ru*

The characteristics of the PRC's foreign policy that associated with coming to power of the "fifth generation" of the Chinese leaders are defined. Aims and contents of the Beijing's foreign policy determined by the PRC's socio-economic needs and confrontation with the "collective West" containment policy are analyzed. Main foreign policy instruments used by the PRC Government to attend the proclaimed targets are described.

Key words: foreign policy, export, economic growth, revitalization of the greatness of the Chinese nation, economic mega partnerships, Belt and Road Initiative, international turbulence, competition, containment of the PRC.

Второе десятилетие XXI века характеризовалось усилением международной турбулентности, связанной с попытками Российской Федерации вновь самоутвердиться в роли мирового игрока, постепенным осознанием Вашингтоном ограниченности своего потенциала для осуществления функций глобального руководства в однополярном мире, появлением новых региональных центров силы. Пекин в этих условиях начал трансформировать свою экономическую мощь в политическое влияние на международной арене, играть все большую роль в определении политики по решению глобальных проблем, в вопросах международной безопасности.

На рубеже 2012—2013 гг. в КНР происходил транзит политического руководства. На смену руководителям «четвертого поколения» во главе с Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао пришли лидеры «пятого поколения» Си Цзиньпин и Ли Кэцян. Руководители «четвертого поколения» больше ориентировали страну на преодоление внутренних проблем (более сбалансированное развитие западных и восточных провинций Китая, переориентация с экспорта как основного источника экономического роста на внутреннее потребление и др.) и старались следовать во внешней политике заветам Дэн Сяопина, придерживаясь принципа невмешательства в любые региональные и локальные конфликты. Си Цзиньпин и его команда выдвинули более амбициозные планы. Экспорт как основной источник экономического роста был «реабилитирован», хотя параллельно говорилось о необходимости расширения внутреннего спроса, были поддержаны восточные провинции как «драйверы» экономического роста; начала проводиться более активная внешняя политика, нацеленная на защиту и продвижение торговых и стратегических интересов Китая. Внешнеполитический курс стал одним из инструментов возрождения мощи и величия китайской нации, которыми она обладала в XVIII веке, он был нацелен на то, чтобы сделать мир более гармоничным (т.е. не однополярным) и более отвечающим интересам КНР. Начался новый этап в развитии КНР, вскорости названный сотрудниками Международного отдела ЦК КПК «новой эпохой».

В своем первом выступлении перед делегатами 1-й сессии Всекитайского Собрания народных представителей 12-го созыва, избравшей его Председателем КНР, Си Цзиньпин поставил перед всей страной задачу «осуществления китайской мечты о великом возрождении китайской нации». «Это мечта всей нации и каждого китайца в отдельности», — подчеркнул он [1, с. 52, 54]. В области внешней политики Си Цзиньпин призвал, «отдавать все силы развитию дружественного сотрудничества со всеми странами мира, выполнять взятые на себя

международные обязанности и обязательства, вместе с народами всех стран продолжать способствовать благородному делу мира и развития человечества» [1, с. 57].

К началу второго десятилетия XXI века и китайские и западные эксперты были уверены, что в 2020 году КНР станет первой экономикой мира, обогнав Соединенные Штаты Америки. Национально-освободительная армия Китая (НОАК) в 2011 году получила в свое распоряжение кинетическое антиспутниковое оружие, в составе китайских ВМС появился первый авианосец, начали поступать на вооружение новые баллистические ракеты. Пытаясь утвердить свои притязания на всю акваторию Южно-китайского моря (ЮКМ), Госсовет КНР утвердил в июне 2012 года создание города Саньша окружного значения, который будет управлять островами и акваториями архипелага Сиша, архипелага Чжунша и архипелага Наньша. Осенью 2012 года боевые корабли и китайские рыбацкие шхуны попытались установить контроль над принадлежащими Японии островами Синкаку (Даоюйдао) в Восточно-китайском море.

Испытывая возрастающую конкуренцию со стороны китайских компаний на рынках стран «третьего мира», обеспокоенный растущими глобальными амбициями Пекина «коллективный Запад» начал задумываться над тем, как обуздать непомерные, по его мнению, китайские амбиции. Был изобретен механизм сдерживания КНР с помощью создания мегарегиональных экономических партнерств. К их формированию удалось привлечь и многие страны «третьего мира», озабоченные китайской экономической и территориальной экспансией. Эти партнерства должны были ограничить мировые рынки для китайских товаров и инвестиций. В январе 2013 года было заявлено о начале переговоров по созданию Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), в результате их успешного завершения мог бы возникнуть самый крупный в мире экономический альянс. Президент Дональд Трамп приостановил переговоры по его созданию, но большая работа была все-таки проделана и не исключено его образование в обозримом будущем. Было подписано Соглашение о создании зоны свободной торговли Канада—ЕС. Вашингтон резко активизировал в марте 2013 года переговоры по созданию Транс-тихоокеанского партнерства (ТТП), завершившиеся в 2016 году подписанием соответствующего Соглашения. В марте 2013 года было объявлено о начале переговоров по созданию Зоны свободной торговли ЕС—Япония (Соглашение подписано в 2017 г.). Затем настала очередь формирования и нацеленных против КНР политико-военных мегарегиональных партнерств. Был «реаними-

рован» ничем себя ранее не проявивший политико-технологический альянс «КВАД» (*Quad*), включающий США, Японию, Австралию и Индию. 12 марта 2021 года был проведен его виртуальный саммит. Исходя из представления, что не Евразия, а воды мировых океанов станут основным полем противоборства США и Китая, Вашингтон создает осенью 2021 года военный альянс «АУКУС» (США, Австралии и Великобритании), который, как считают некоторые эксперты, с подключением таких стран, как Канада, Новая Зеландия, Япония и Ю.Корея, а — в перспективе — даже Индии и Вьетнама станет азиатским эквивалентом НАТО [2].

При создании экономических мегапартнерств, как механизмов сдерживания КНР, “коллективный Запад” не смущался тем обстоятельством, что они фактически шли вразрез с его традиционной линией на либерализацию мировой торговли, устранение торговых барьеров, борьбу с протекционизмом. По существу мегапартнерства и являли собой образец протекционизма, а КНР становилась основным защитником свободы международной торговли.

В Пекине с большой озабоченностью следили за планами и действиями по сдерживанию КНР, понимали, что создание всех запланированных мегапартнерств значительно ограничит для Китая поле маневра на международной арене, нанесет удар по китайскому экспорту, как основному источнику экономического роста страны. В итоге, цель Си Цзиньпина по великому возрождению величия китайской нации станет еще более труднодостижимой.

Необходимо было срочно придумать внешнеполитическую контригру. И в китайском внешнеполитическом арсенале нашлось несколько эффективных инструментов по борьбе с политикой сдерживания КНР. Первым из них стало провозглашение в сентябре 2013 года инициативы “Экономического пояса Шелкового пути”. Эта инициатива была нацелена на сохранение и даже облегчение международной торговли. Предполагалось строительство транспортных коммуникаций, создание электронных режимов беспрепятственного перемещения товарных потоков через различные национальные юрисдикции. Инициатива пояса и пути (ИПП), как она стала называться впоследствии, получила поддержку более 60-ти государств и стала поистине всемирным проектом. Были созданы Фонд Шелкового пути и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, призванные финансово поддерживать конкретные проекты, осуществляемые в рамках ИПП.

Вторым инструментом противостояния политике сдерживания КНР стало сотрудничество Пекина с отдельными региональными экономическими образованиями или даже инициирование создания новых форматов сотрудничества в различных региональных объединениях. Изначально Пекин рассматривал образование Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в том же ключе, что и создание ТТП, т.е. создание экономического блока, ограничивающего свободу китайского экспорта. Но после введения “коллективным Западом” антироссийских политических и экономических санкций Си Цзиньпин и В. В. Путин подписали 8 мая 2015 года Заявление о сопряжении ИПП и ЕАЭС. Это позволило китайским экономическим интересам проникать в страны ЕАЭС “на законных основаниях”. Затяжка с подписанием китайско-евросоюзского всеобъемлющего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, а также инвестиционного Соглашения вынудила Пекин создать собственный формат сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы — членами ЕС. Это формат 16+1, который превратился в формат 17+1 после присоединения к нему Греции. Республика Беларусь также получила возможность участвовать в данном формате в качестве специального приглашенного Пекина. Экономические трудности, связанные с пандемией коронавируса *COVID-19*, не позволили развить этот формат так быстро и эффективно, как планировалось. Брюссель вообще расценил его образование как попытку Пекина подорвать единство Европейского союза.

Как большой успех китайской дипломатии в официальных СМИ КНР подавалось подписание в Ханое 15 ноября 2020 года Соглашение о создании «Всестороннего регионального экономического партнерства» (ВРЭП), куда наряду с 10 странами АСЕАН вошли Китай, Япония, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия. В его рамках КНР и Япония впервые договорились о взаимном снижении тарифов. Вместе с тем, в Международном отделе ЦК КПК и китайском МИД отдавали себе отчет, что ВРЭП — это скорее Протокол о намерениях, а ТПП — реальный экономический блок, поэтому осенью 2021 года Пекин объявил о своем желании подписать Соглашение ТПП и вступить в члены партнерства.

Третьим инструментом противостояния политике сдерживания КНР стало сотрудничество с отдельными государствами: с Россией, Пакистаном, Таджикистаном, Кыргызстаном, Беларусью, Грузией, Италией, Грецией, Черногорией и др. В России за китайские деньги построен гигантский газопровод «Сила Сибири», в Грузии арендован на 49 лет порт Батуми, в портах Италии и Греции Китай получил право на строительство собственных терминалов, в Черногории строит единственную

в стране автомагистраль. В Беларуси китайские инвесторы помогают поднимать индустриальный парк «Великий камень».

Международная турбулентность в конце второго — начале третьего десятилетия XXI века связана в основном с тремя факторами: 1) противостояние по линии КНР — «коллективный Запад»; 2) противостояние по линии РФ — «коллективный Запад»; 3) борьба с пандемией коронавируса *COVID-19*. Внешнеполитический курс Пекина обязан своевременно реагировать на эти три фактора, стараться нейтрализовать их негативные последствия для достижения поставленной стратегической цели: великого возрождения величия китайской нации.

О реакции КНР на первый фактор уже говорилось выше. В отношении второго фактора можно отметить, что Пекин в целом политически поддерживает Москву, выступает за снятие антироссийских политических и экономических санкций. В то же время он не признал ни присоединение Крыма к России, ни Абхазию, ни Южную Осетию. Недовольство Пекина вызывает и российская поддержка сепаратистов на востоке Украины. Пекин пока дезавуирует предложения некоторых российских политиков и экспертов об образовании китайско-российского военно-политического альянса. «Коллективный Запад», со своей стороны, пытается удержать Москву от форсирования сближения с КНР в военной сфере, обещая определенные послабления в санкционном режиме. Именно на это был нацелен, по мнению некоторых российских аналитиков, визит в Москву американской делегации во главе с Викторией Нуланд в октябре 2021 года.

Соперничество США и Китая оказывается все более определяющим фактором мировой политики и экономики. Вашингтон стратегически заинтересован в недопущении слишком тесного сближения между РФ и КНР, но, по мнению российского эксперта Александра Габуева, «степень беспокойства Европы и США по поводу сближения РФ и КНР пока недостаточна, чтобы они были готовы всерьез менять политику на российском направлении» [3].

Пекин высоко ценит всестороннее сотрудничество и партнерство с Москвой, но Китай традиционно является самостоятельным международным игроком и сегодня он не готов и не хочет вступать в военный союз с Россией. РФ — также самостоятельный международный игрок, но она не является, в отличие от США и Китая, сверхдержавой. Поэтому Москве приходится искать определенный баланс в своих отношениях с двумя сверхдержавами, стараясь избегать втягивания в их стратегическое соперничество. Слишком тесное сближение с КНР было бы связано с утратой значительной части российского суверенитета, более того,

судьба России определялась бы тем, чем в итоге закончится соперничество двух сверхдержав.

Президент Д. Байден не только продолжил политику Д. Трампа по сдерживанию КНР, но, опираясь на сложившийся консенсус в этом вопросе всех ветвей американской власти, интенсифицировал ее. Выступая на Генеральной Ассамблее ООН 21 сентября 2021 года, Д. Байден охарактеризовал внешнеполитический курс КНР как «попытку более сильных стран доминировать над более слабыми» [4]. Пекину ничего не оставалось как еще больше полагаться на Россию в сфере трансфера военных технологий.

В отношении третьего фактора следует отметить, что пандемия выявила, что не союзнические отношения, а собственные национальные интересы являются главными для обеих сторон. Китай и Россия быстро закрыли границы, приостановили все авиаперелеты, в весьма ограниченных масштабах проводили обмен информацией о коронавирусе и готовящихся вакцинах. В то же время взаимная торговля постепенно вернулась на предпандемический уровень, возобновились совместные военные маневры и Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 года был продлен на очередные пять лет.

По прогнозам Международного валютного фонда, мировая экономика в 2021 году начала отстраиваться после кризиса, вызванного пандемией. Если в 2020 году ВВП США сократился на 4,6 %, ФРГ — на 4,8, Японии — на 4,7, России — на 3,0, Индии — на 7,3, то в КНР лишь произошло замедление темпов экономического роста до 2,3 %. Ожидается, что экономический рост возобновится в 2021 году в большинстве стран мира (в США прирост ВВП составит 5,6 %, ФРГ — 3,6, Японии — 2,8, России — 4,4, Индии — 9,5) и продолжится в 2022 году: США — 4,9 %, ФРГ — 4,1, Япония — 3,0, Россия — 3,1, Индия — 8,5 %. МВФ предсказывает и послековидное ускорение в КНР: 8,1 процента в 2021 году и 5,7 % — в 2022 [5]. Предсказанное снижение темпов экономического роста КНР в 2022 году по сравнению с 2021 будет связано с необходимостью преодолевать трудности, связанные с растущим долговым бременем провинциальных и местных администраций, а также высоким уровнем корпоративных долгов.

Пекин на протяжении нескольких лет пытался провести санацию «плохих» корпоративных долгов. Избавление от них становится критическим для долгосрочного быстрого экономического развития страны, оно также важно для иностранных инвесторов в китайские акции и облигации. Правительство КНР старается внедрить прозрачность в процедуры дефолта фирм, укрепить рыночную дисциплину. «Лакмусо-

вой бумажкой» для намерений правительства в этой сфере станет отношение к просроченной задолженности государственного финансового конгломерата «Хуажун» (*Huarong*) и крупнейшей строительной корпорации «Эвергранде» (*Evergrande*), которые обязаны до конца 2021 года выплатить по счетам более 540 млрд дол. [6].

Таким образом, внешняя политика КНР во втором десятилетии XXI-го века была нацелена на реализацию мечты о великом возрождении величия китайской нации и решала несколько взаимосвязанных задач: защиты и продвижения китайских экономических и политических интересов по всему миру (включая агрессивное их отстаивание в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях); активное участие в решении глобальных проблем современности (международный терроризм, изменения климата, загрязнение окружающей среды); противостояния политике по сдерживанию КНР, проводимой «коллективным Западом». На последнем направлении эффективно используются такие инструменты как ИПП, ВРЭП, попытки внедрения в Евросоюз и ТТП.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Си Цзиньпин. Выступление на 1-й сессии Всекитайского Собрания народных представителей 12-го созыва (17 марта 2013 г.). — Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014.

2. Andrey Kortunov. Should Russia Be Worried by the New AUKUS Alliance? Carnegie Moscow Center, 29.09.2021. — https://carnegiemoscow.org/commentary/85451?utm_source=rssemail&utm_medium=email&mkt_tok=MDk1LVBQVi04MTMAAAGAHariuU-5xhozSbnFFXuPZe6JCmHZMR2pMG6rJYtIySAPgFCPR0eL91sAmIeF8OOTG1V917qP6Mcii4QWL589ZYWNzbay4rRbNHd7ETO-9SCs. — Access: 19.10.2021.

3. Александр Габуев. Остановить нельзя терпеть: Европа и российско-китайское сближение. — Московский центр Карнеги. Научная статья. 19 марта 2021, — 12 с. — <https://carnegie.ru/2021/03/19/ru-pub-84128>.

4. China believes that America is forging alliances to stop its rise. - https://www.economist.com/china/2021/09/25/china-believes-that-america-is-forging-alliances-to-stop-its-rise?utm_campaign=the-economist-today&utm_medium=newsletter&utm_source=salesforce-marketing-cloud&utm_term=2021-09-29&utm_content=article-link-6&ctear=nl_today_6. — Access: 19.10.2021.

5. IMF World Economic Outlook, July 2021. — <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/07/27/world-economic-outlook-update-july-2021>

6. China's bad debts. — The Economist, September 4th, 2021.